

ИСТОРИЯ

УДК 352.071 (–21)(571.5)(091)

Л.М. Дамешек, М.М. Плотникова

МОДЕЛИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Рассматриваются разные модели городского самоуправления, существовавшие в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в., на основании практической деятельности органов самоуправления Иркутска, Верхнеудинска, Киренска, Нижнеудинска и Красноярска. Обращается внимание на разную оценку реформ Екатерины II российскими и европейскими исследователями. Подробно разбирается, что из практики городского самоуправления сибирских городов послужило основой реформы М.М. Сперанского 1822 г. Авторы приходят к выводу, что губернский Иркутск стал одним из образцов для сибирской реформы М.М. Сперанского по части городского управления.

Ключевые слова: городское самоуправление; Восточная Сибирь; реформы Екатерины II; сибирская реформа М.М. Сперанского.

Немецкий теоретик исторической науки Р. Козеллек определяет границу современного мира, момент рождения современной системы социально-политических категорий концом XVIII – началом XIX в. Именно в это время стало формироваться современное государство в Российской империи под влиянием идей Просвещения. Главным проводником этой идеологии выступило само государство в лице Екатерины II, которая, как известно, переписывалась с Вольтером, пригласила в Россию Дидро и написала свой Наказ под влиянием идей Монтескье. Принцип разделения властей был положен в основу административных реформ, проводившихся императрицей. Компетенция вводившихся в административное управление наместников и губернаторов была расширена за счет надзора за сословным самоуправлением, а юстиция и финансы перешли в ведение других инстанций – губернского прокурора и Казенной палаты.

Тремя основными составляющими современного государства являются состоявшееся территориальное развитие, равные городские ассоциации и сила государства [1. С. 8]. В Российской империи были слабые городские ассоциации, следовательно, модернизация для Российской империи выражалась в формировании и развитии городских ассоциаций. В связи с этим введение Екатериной II городских дум и ее желание сформировать «средний род» людей являются шагом на пути формирования проекта современного государства.

Многие российские исследователи отмечают, что в «Жалованной грамоте городам» функции вводившегося органа самоуправления – думы – четко не прописаны. И городские магистраты, и городские думы должны были решать одинаковый круг хозяйственных вопросов. Только в «Учреждении для управления Сибирских губерний» М.М. Сперанский в 1822 г. определил зоной ответственности думы городское хозяйство, а городской магистрат стал заниматься только судебными делами [2. С. 24]. В частности, Л.Ф. Писарькова поддерживает точку зрения известного дореволюционного исследователя И.И. Дитяткина о том, что в Городовом положении 1785 г. не были

прописаны отношения с вышестоящими органами, которым поручен надзор над деятельностью дум (губернатор, казенная палата), а также с учреждениями, ведавшими делами города по другим законодательным актам (управа благочиния, приказ общественного призрения, магистраты) [3. С. 45–46].

Необходимо отметить особенность проведения реформ Екатериной II: это были отдельные законодательные акты, посвященные той или иной сфере деятельности, которые издавались с промежутком в несколько лет. Уже известный русский правовед А.Д. Градовский обратил внимание на то, что Городовое положение 1785 г. является не только составной частью «Жалованной грамоты городам», но и частью административных реформ Екатерины II. «Для понимания плана местного переустройства, задуманного Екатериной II, должно иметь в виду как самые «Учреждения для управления губерний» в двух его частях 1775 и 1780 гг., так и Устав благочиния, изданный в 1782 г., и Жалованные грамоты дворянству и городам, изданные 21 апреля 1785 г.» [4. С. 107].

Практика городского самоуправления показывает, что в отношениях как с вышестоящими органами, так и с Управой благочиния, магистратами и приказом общественного призрения городские думы хорошо знали пределы своей компетенции. Например, из контент-анализа архивных документов Иркутской градской думы следует, что гласные первых дум хорошо ориентировались не только в Городовом положении 1785 г., но и в Уставе благочиния и Учреждениях о губерниях. Например, в 1789 г. Иркутская градская дума обратила внимание, что для пожарного обоза нужны заливные трубы, которые в Иркутске не производились, и их нужно было привести из Екатеринбурга. На это требовалась потратить средства из городских доходов, а «оную без позволения его Превосходительства издерживать за силою Городового положения 154 статьей городская дума не может. О чем представить рапорт и испрашивать от его превосходительства повеления» [5. Л. 301 об.]. В 1790 г., когда в ведение Иркутской градской думы перешел перевоз через реки Иркут и Ангара, она обращала внимание,

что «устава благочиния 36 статьей управа благочиния в ведомстве своем имеет дороги, улицы, мосты» [6. Л. 22]. Гласный Иван Исаев, вступивший в должность казначея шестигласной Иркутской думы в феврале 1802 г., просил «во избежание выйти могущего сомнения и наблюдения лучшей целости, через кого следует, имевшую у меня за расходом на лице денежную сумму, с приходными и расходными книгами сообразно высочайшего от Управления губернии Всероссийской империи Учреждений XIII главы 160 статьи освидетельствовать» [7. Л. 5–5 об.]. Таким образом, архивные источники подтверждают, что если в работе думы возникали какие-либо вопросы, они решались согласно не только «Жалованной грамоте городам», но и «Учреждению об управлении губерний», и «Уставу благочиния».

Подчеркнем, что европейские авторы, например, балтийский исследователь немецкого происхождения Генрих Лаакманн, дают другую характеристику городскому порядку Екатерины II: «...под строгим разделением юстиции и управления города получают сравнительно широкое самоуправление» [8. С. 5]. Немецкий исследователь Ральф Тухтенхаген отмечает, что Екатерина II сломала старые жесткие сословные перегородки и ввела значительно менее четкое определение гражданства. Теперь и дворяне, имеющие собственность в городе, считались его гражданами, хотя и принадлежали к иному сословию. Критерием принадлежности к определенной категории граждан стало не происхождение, а богатство [9. С. 245]. Также Г. Лаакманн отмечает, что выбирались городские суды, управление было сосредоточено в руках городского головы и шестигласной думы, в которую каждый из шести классов жителей выбирал своего представителя. По этим же шести классам граждане могли быть зарегистрированы в Городской обывательской книге. То есть европейские исследователи расценивают городскую реформу Екатерины II как шаг вперед на пути к проекту современного государства, в отличие от российских, которые считают «Жалованную грамоту городам» «историческим памятником благих намерений просвещенной государыни» [10. С. 207].

Авторы настоящей работы задались вопросом: почему Екатерина, придерживающаяся идеи разделения властей, не разделила полномочия Думы и магистратов, и после нескольких лет работы с архивными документами ответ был получен. Подчеркнем, что законодателем изначально предполагалось, что разные формы городского самоуправления будут в столицах и других городах империи. Согласно «Жалованной грамоте городам» на собраниях градского общества могли присутствовать все члены градского общества, но право голоса и пассивное избирательное право имели только лица, достигшие 25-летнего возраста и обладавшие капиталом, проценты с которого составляли не менее 50 руб. [11. С. 104]. Это означало, что выбирать и баллотироваться на выборные должности могли люди, которые объявляли капитал не ниже 5 000 руб. и платившие ежегодный налог 1% с объявленного капитала. Этому требованию соответствова-

ли купцы 1-й и 2-й гильдий. Именно они должны были производить выборы заседателей магистрата и словесного суда, старост и депутатов для составления городской обывательской книги. И была сделана оговорка, что «где капиталов нет, там дозволяется и меньше капитал имеющим голос иметь и таковых же избирать». Например, в губернском Иркутске в 1789 г. купцов 1-й и 2-й гильдии было всего 16 человек, которые согласно законодательству могли выбирать и быть избранными, поэтому купцы 3-й гильдии также избирались в гласные Иркутской градской думы. Кроме этого, при выборах в Городовой магистрат, заседателей в губернский и словесный суды «полного числа из купцов за разездом по торгу и промыслу быть в тех кандидатах недостаточно, и что мещане находят в своем сорте людей достоинства имеющих и способных в каждом присутствии быть, потому и от них кандидаты представлены» [12. Л. 27]. В Красноярске также купцы 2-й и 3-й гильдий были городскими головами, в силу того что купцов 1-й гильдии не было в городе, а 2-й гильдии только 3 человека в 1795 г. [13. С. 52].

Законодатель определил также, что в небольших городах управление городом остается в ратушах. В Иркутской губернии градская дума была открыта только в губернском Иркутске. Когда в 1819 г. сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский запросил сведения о городских доходах и расходах по городам Иркутской губернии, губернское правительство потребовало такие сведения предоставить Иркутскую градскую думу, нижеудинского городничего, верхнеудинский и нерчинский магистраты, селенгинскую, кяхтинскую, киренскую и якутскую ратуши, начальников Охотского порта и Камчатки [14. С. 39]. Из архивных документов следует, что перед реформой М.М. Сперанского на территории Иркутской губернии была только одна городская дума в губернском Иркутске, в уездном г. Нижнеудинске был только городничий, в уездном Верхнеудинске городскими делами ведал магистрат, в уездном Киренске, а также в Селенгинске, Кяхте и Якутске – ратуша. Таким образом, в некоторых сибирских городах управление городским хозяйством осталось в ведении городских магистратов. Именно поэтому, на наш взгляд, в «Жалованной грамоте городам» городские магистраты наряду с думами получили ряд обязанностей по управлению городом.

Начало екатерининских административных и городских реформ совпало со временем территориально-административного развития Сибири, особенно восточной ее части. Получилось, что накопленный опыт в управлении городами европейской части Российской империи стал моделью для развития городов Восточной Сибири. В 1780 г. вышла вторая часть «Учреждений для управления губерний», где было указано, что в губернском городе должны быть следующие выборные должности: городского старосты, судей Словесного суда, членов Городового магистрата и Городового Сиротского суда, возглавляемого выборным градским головой. В уездном городе, который возглавлял городничий или комендант, выбирали городского старосту, судей Словесного суда, Городовой магистрат, Сиротский суд [15. С. 286–287].

В 1783 г. Иркутская губерния была преобразована в Иркутское наместничество в составе четырех областей: Иркутской, Нерчинской, Охотской и Якутской. Иркутская область в свою очередь делилась на четыре уезда: Киренский, Нижнеудинский, Верхнеудинский и Иркутский. Иркутск стал центром не только уезда, но и наместничества, города Киренск, Нижнеудинск и Верхнеудинск стали уездными городами. Красноярск стал в 1783 г. уездным городом Колыванского наместничества.

С точки зрения современной географии к Восточной Сибири относятся Красноярск, Иркутск, Киренск и Нижнеудинск, с точки зрения конца XVIII в. – Иркутск, Киренск, Нижнеудинск и Верхнеудинск, поэтому в статье будут рассмотрены модели управления Красноярском, Иркутском, Киренском, Нижнеудинском и Верхнеудинском.

В Иркутске выбирали судей в Словесный суд, городского голову, возглавлявшего Сиротский суд, членов Городового магистрата. Согласно «Жалованной грамоте городам» 1785 г. следовало выбрать две думы – общую и шестигласную, и в 1787 г. в губернском Иркутске было выбрано 20 гласных в общую городовую думу и шесть – в шестигласную. В думе должно быть представлено 6 разрядов населения: купцы, мещане, городские обыватели, именитые граждане, иногородние купцы и ремесленники. Поскольку в Иркутске не было именитых граждан, а иногородних купцов записалось всего 6 человек, в Иркутской градской думе оказались представлены только купцы, мещане и ремесленники, причем последних – большинство, согласно количеству цехов в городе. В Иркутской общей градской думе в 1790–1792 гг. были представлены иконописный, серебряный, медный, резной, портной, сапожный, плотничный, каменный, лосинный, маркизанский (закуп скота), рыбопромышленный, кузнечный, шерстобитный и кожевенный цеха [16. Л. 74].

Однако вскоре выяснилось, что многие гласные от ремесленных управ были не способны вести хозяйственные дела в думе по причине неграмотности. Уже в 1794 г. состоялись первые перевыборы, когда вместо одних гласных от цеховых были избраны другие. В 1798 г. от ремесленных управ было избрано уже всего четыре гласных, в 1819 г. – двое. С 1805 г. в Иркутской городской думе появился гласный от иногородних купцов. В 1819 г. в Иркутскую градскую думу были выбраны 2 купцов, 3 мещан, 2 ремесленников и представитель от иногородних купцов, итого 8 гласных [14. С. 35]. То есть практика городского самоуправления в губернском Иркутске сформировала такой сибирский «симбиоз» из предлагаемой законодателем шестигласной и общей думы. Этот результат был закреплен законодательно М.М. Сперанским в проводимой им в 1822 г. сибирской реформе. Согласно этой реформе дума должна была состоять из городского головы, двух, трех или четырех гласных, смотря по пространству города и по назначению Главного Управления. В Иркутске, согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний», было избрано пять гласных – по двое от купечества и мещан, один – от цеховых, в Красноярске – городской

голова и двое гласных составляли Красноярскую городскую думу.

Можно утверждать, что губернский Иркутск стал одним из образцов для сибирской реформы М.М. Сперанского в той ее части, которая касалась городского управления. В губернском Иркутске ведущей социальной группой было купечество, дворян было мало, они в основном приезжали на службу, отслужив, возвращались в европейскую часть Российской империи. Через Иркутск проходил «Великий чайный путь», город стал главным складом товаров в Восточной Сибири, здесь формировался новый тип купечества, ориентированный на торговлю с Китаем и европейской Россией, производивший торговые операции на всей территории Сибири и имевший многочисленных приказчиков по разным городам.

М.М. Сперанский обратил внимание на специфику сибирского градского общества, которое часто бывало в разъездах по торговым делам. Например, в Иркутске отлучались из города не только купцы, но также мещане и цеховые. В составе Иркутской градской думы 1820–1822 гг. практически сразу были сделаны перемены гласным по причине отлучки из города. М.М. Сперанский предусмотрел на случай таких отлучек выбор кандидатов, которые должны были избираться на каждое звание и по усмотрению губернского начальства занимать места на определенное время, но не более четырех месяцев.

Проводя сибирскую реформу, М.М. Сперанский учел территориально-демографический фактор сибирских городов, которые существенно различались по количеству проживающих в них людей, и разделил города на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Иркутск с численностью населения 14 447 чел. стал многолюдным городом, Верхнеудинск с 2 069 чел. – средним, Киренск с 689 чел. и Нижнеудинск с 432 – малолюдными городами. А Красноярск с численностью 3 124 чел. стал центром новой Енисейской губернии [17. С. 28, 12, 32, 50, 36].

Также М.М. Сперанский предусмотрел, что из-за перемещения торговых путей состояние городов могло изменяться, и предоставил Главному Управлению менять их разряды сообразно их населению и нуждам [18. С. 122]. Киренск, Красноярск и Нижнеудинск как раз являют собой пример городов, состояние которых изменилось благодаря перемещению торговых путей.

Уездный Киренск представлял собой пример города, являвшегося транзитно-транспортным узлом на реке Лене. В конце XVIII в. городское развитие Киренска стало активизироваться благодаря тому, что соседний город Илимск постепенно утратил свое значение вследствие перемещения главного торгового пути на Московский тракт. В 1814 г. в Киренске было учреждено две ярмарки – сплавная летняя и зимняя. Д.Я. Резун и О.Н. Беседина в своей книге приводят цитату из дневника известного иркутского публициста Н.С. Щукина, которая прекрасно отражает городскую идентичность: «Киренск имеет легкую физиономию города, но внутри Константинополь» [19. С. 29]. Киренские купцы и мещане обеспечивали продовольствием, которое они закупали, в том числе и в

округе Иркутска, более северные территории – Якутск и Олекминск. В Киренске не было базара, и жители делали необходимые закупки во время летней ярмарки на целый год в больших количествах, включая продукты питания. Одной из особенностей городского развития г. Киренска была дороговизна жизни, на которую они регулярно жаловались генерал-губернатору Восточной Сибири.

В Киренске из выборных должностей были словесный староста и мещанский староста, который возглавлял Киренскую земскую избу, подчинявшуюся Иркутскому городскому магистрату. В 1807 г. в Киренске была открыта городская ратуша, перенесенная из Илимска [20. Л. 9 об.]. В ратуше заседали бургомистр и два ратмана. Киренские купцы и мещане собирали ратушный трактамент. В 1807 г. ратушный трактамент был определен с 129 душ киренских купцов и мещан в 451 руб. 50 коп. [20. Л. 7]. Илимские мещане также должны были платить ратушный трактамент Киренской ратуше. При ратуше был избран маклер. Также киренские купцы и мещане избирали депутата в Иркутск в Комитет для уравнивания земских повинностей.

После реформы Сперанского 1822 г. город получил упрощенную схему управления, городское общество возглавил городской староста, стал избираться Словесный суд. Интересно отметить, что если кандидат на должность городского старосты отказывался от должности, то он должен был заплатить 250 руб. в Словесный суд, чтобы кто-то другой принял за него эту должность [21. Л. 105].

Нижнеудинск находился на Московском тракте, посередине пути между Иркутском и Красноярском. Городом он стал благодаря тому, что городской статус потерял Балаганск. Городское развитие Нижнеудинска в первой половине XIX в. определяло соперничество самого города с Подгорно-Удинской слободой, лежащей непосредственно на Московском тракте. В 1811 г. в Нижнеудинске насчитывалось 74 жилые постройки, в слободе – более 130 [22. С. 49]. Объединение состоялось только в 1851 г. Подчеркнем такую деталь городского развития – окрестные крестьяне не собирались на рынке как таковом, а развозили привезенные продукты и изделия прямо по домам нижнеудинских горожан.

В Нижнеудинске в конце XVIII в. из выборных должностей был только мещанский староста. О его выборах извещал Иркутский городской магистрат [23. Л. 2]. Интересно, что в 1817 г. Иркутская градская дума пожертвовала в г. Нижнеудинск машину для тушения пожаров и давала деньги на ее поправку [24. Л. 25], в то время как в Киренск заливная машина была продана за 397 руб. 17 ½ коп. Таким образом, за городским управлением и развитием Нижнеудинска следили Иркутский городской магистрат и Иркутская градская дума. Следует отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. в Иркутской губернии существовала такая практика, когда на содержание Иркутского городского магистрата собирали трактаментную сумму и острожные – балаганские, верхоленские, идинские и бельские купцы и мещане, дела которых рассматривались в Ир-

кутском городском магистрате, потому что содержать свои магистраты им было накладно [16. Л. 400].

Активное торговое развитие уездного Верхнеудинска напрямую связано с развитием русско-китайской торговли. Художник-пейзажист А.Е. Мартынов, сопровождавший в Китай в 1805–1806 гг. свиту графа Ю.А. Головкина, отметил, что «Кяхтинская торговля оживляет всех обитателей Сибири. Кроме того, что они весьма выгодно сбывают излишние продукты свои, но и перевозка их взад и вперед оставляет значительные суммы в Сибири» [25. С. 57]. Для Верхнеудинска роль извоза была велика, здесь этим промыслом занимались в основном мещане. Одновременно город мог выставить 250 одноконных и 60 двуконных подвод [26. С. 33].

Верхнеудинск был уездным центром с магистратским управлением, в отличие от уездных Киренска и Нижнеудинска. Это было связано с тем, что в Киренске и Нижнеудинске не было купеческого сословия, поэтому Иркутское наместничество решило городской магистрат не утверждать, пока купечеством не обзаведутся. Как и Иркутскому магистрату, Верхнеудинскому подчинялись Ильинская, Кабанская, Селенгинская и Кяхтинская земские избы [27]. Кроме этого, здесь выбирали городскую ратушу и городского голову, возглавлявшего Сиротский суд. Подчеркнем, что хотя населения в губернском Иркутске проживало больше, чем в уездном Верхнеудинске, однако купцов по отношению к остальному населению было больше в Верхнеудинске: 2,17% – в Верхнеудинске и 0,94% в Иркутске соответственно [17. С. 12, 28].

Красноярск находился на границе между Восточной и Западной Сибирью, и поэтому долго оформлялось его административно-территориальное положение. Красноярск в 1783 г. по счастливой случайности остался уездным центром Колыванского наместничества: в 1773 г. в городе случился страшный пожар, уцелело чуть более трех десятков домов. По распоряжению сибирского губернатора Д.И. Чичерина из Тобольска прибыл геодезист сержант Петр Моисеев, которому было предписано «помогать обывателям возводить новые дома по всем правилам архитектурного искусства» [28. С. 31]. То обстоятельство, что Красноярск был выстроен по плану, стало одним из доводов генерал-губернатора Иркутской и Колыванской губерний И.В. Якоби, приведенных для императрицы против переноса уездного центра из Красноярска в Абакан. Вторым доводом стало положение купечества, которому пришлось бы переселиться в новый уездный центр из Красноярска для поддержания своей торговли. В 1796 г. было упразднено Колыванское наместничество, и Красноярск стал уездным городом Тобольской губернии. В 1804 г. Красноярск стал уже уездным городом Томской губернии, а в 1822 г. – центром Енисейской губернии.

Через Красноярск проходил Московский тракт – и с развитием русско-китайской торговли через пограничную Кяхту увеличивалась и проходимость транспортных потоков через Красноярск. Для того чтобы попасть в город, необходимо было переправиться через Енисей. В 1787 г. в городской доход за

перевоз поступило 351 руб. 47 коп. [29. Л. 5 об.], в 1797 г. уже 628 руб. [29. Л. 20 об.], т.е. за 10 лет почти в два раза увеличились транспортные потоки, а в 1802 г. – 1 779 руб. 91 коп. [29. Л. 34 об.], т.е. еще почти в три раза. Вышеупомянутый А.Е. Мартынов, который проезжал через Красноярск в 1805–1806 гг., отметил: «Прямая дорога в Сибирь из России идет через сей город, а потому от ноября до февраля тысячи возов тащатся беспрестанно по здешним улицам» [25. С. 40].

В Красноярске избирались Городовой магистрат, Словесный и Сиротский суды. Городское самоуправление возглавлял городской голова, который писал отчеты о городских расходах и доходах губернатору и в Казенную палату, по неограничению думы в Красноярске. В 1803 г. сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов предложил тобольскому губернатору Б.А. Гермесу предоставить ему ведомость о доходах и расходах Красноярска по форме, предложенной министром внутренних дел В.П. Кочубеем [29. Л. 43]. Тобольский губернатор предложил в свою очередь Красноярскому городскому магистрату и городскому голове составить ведомость о городских расходах и доходах за 1803 г. по этой форме. Эта форма требовала много времени для заполнения, потому что нужно было указать доходы и расходы города по указанным категориям. В апреле 1804 г. тобольский губернатор Б.А. Гермес обращался с этим предложением к Красноярскому городскому магистрату и городскому голове, а 27 июля 1804 г. томский гражданский губернатор обращался уже к Красноярской градской думе с предложением доставить ему ведомость о приходах и расходах города для составления штата полиции [29.

Л. 47]. Таким образом, Красноярская градская дума была открыта только в 1804 г.

Итак, система городского самоуправления в Восточной Сибири формировалась всю последнюю четверть XVIII в. Этот процесс совпал с формированием и развитием новых уездных центров Иркутской губернии – Киренска, Нижнеудинска и Верхнеудинска, которые получили таковой в 1783 г. Согласно реформе М.М. Сперанского, Иркутск стал многолюдным городом, Верхнеудинск – средним городом, Нижнеудинск, Киренск – малолюдными городами, а Красноярск – губернским центром новой Енисейской губернии.

В конце XVIII в. городское самоуправление было представлено в Иркутске градской думой, в Красноярске – городским головой, в Киренске и Нижнеудинске – мешанскими старостами, в Верхнеудинске – городской ратушей и городским головой. В 1804 г. в Красноярске была избрана Градская дума. В 1807 г. в Киренске открывается городская ратуша, перенесенная из Илимска. Полноценным губернским городом со всеми избираемыми органами, согласно существовавшему законодательству, был Иркутск, а полноценным уездным – Верхнеудинск. Красноярск с 1804 г. стал уездным городом с избираемой градской думой. В Киренске и Нижнеудинске не было магистрата и выборных судов по причине отсутствия купечества. Иркутская градская дума брала на себя обязанности по городскому развитию других городов Иркутской губернии – Нижнеудинска и Балаганска.

Авторы приходят к выводу, что М.М. Сперанский просто законодательно оформил уже сложившиеся в городах Восточной Сибири модели городского управления в рамках теории разделения властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wunder B. Die Entstehung und Entwicklung der staatlichen Bezirksämter in Baden, 1803 bis 1863 // 140 Jahre kommunale Selbstverwaltung im Landkreis Karlsruhe: Entstehung und Entwicklung, Aufgabe und Organe, Wahlen und Abgeordnete / bearb. von Bernd Breitkopf. Mit Beitr. von Michael Bock. Ubstadt-Weiher : Verl. Regionalkultur, 2003.
2. Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет / под общ. ред. М.М. Плотниковой. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
3. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М. : Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010.
4. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 3, ч. 1 : Органы местного управления. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1883.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 95.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 312.
8. Laakmann H. Das Bürgerbuch von Pernau 1787–1889. J.G. Kruger, Tartu, 1939.
9. Tuchtenhagen R. Zwischen Aufklärung und Absolutismus. Staatliche Reformen in den Ostseeprovinzen unter Katharina II // Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten / Hrsg. Kronauer, Ulrich: Heidelberg 2011 (Akademiekonferenzen; 12).
10. Дамешек Л.М., Плотникова М.М. Екатерина II и Павел I об управлении городами: тандемность или разномыслие // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 2 (82).
11. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. Иркутск : Оттиск, 2008.
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 110.
13. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) / отв. ред. Д.Я. Резун ; РАН. Сибирское отд. Объед. ин-т истории, филологии и философии. М. : Academia, 2006.
14. Плотникова М.М. Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М.М. Сперанском // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 7. Серия «История».
15. ПСЗ-I. Т. 20.
16. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 54.
17. Штер М.П. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год / Составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента полиции исполнительной, тайного советника Штера. Санктпетербург : Печатано в тип. Ивана Глазунова, 1829 (обл. 1830).
18. Учреждение для управления Сибирских губерний // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. Иркутск : Оттиск, 2008.
19. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1993.
20. ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4

21. ГАИО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 4.
22. *Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XVII – XXI вв.* / А.В. Гимельштейн, Л.М. Дамешек, Ю.А. Зуляр, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин, В.П. Шахеров и др. ; гл. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск : Восткнига, 2012.
23. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 527.
24. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1031.
25. *Мартынов А.Е.* Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. В Санктпетербурге, печатано в тип. Александра Плюшара, 1819.
26. *История Улан-Удэ.* Кемерово : Виртрон, 2012.
27. НАРБ. Ф. 20. Оп. 1.
28. *Бердников Л.П., Лопина С.Л.* Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск : Издательские проекты, 2003.
29. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2015 г.

LOCAL GOVERNMENT MODELS IN EASTERN SIBERIA (LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 114-20. DOI 10.17223/15617793/394/19

Dameshek Lev M., Plotnikova Maria M. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com; someforme@yandex.ru

Keywords: local government; Eastern Siberia; reforms of Catherine II; Siberian reform of M.M. Speransky.

There are different estimates of the local government reform of Catherine II by European and Russian researchers. Russian researchers believe that *The Charter on the Rights and Benefits of Cities of the Russian Empire, 21 April 1785* is a sample of the good intentions of the sovereign. European researchers believe that Catherine took a step forward with respect to the modern state formation. She separated justice and management and gave the cities broad self-government. The beginning of Catherine's administration and city reforms coincided with the time of the administrative-territorial development of Siberia, especially in its Eastern part. A model for the urban development in Eastern Siberia was the accumulated experience in the management of cities in the European part of the Russian Empire. The provincial city was to elect the city chief, the magistrates and the city mayor. The county town was to elect the city chief and the magistrates. The article classified Irkutsk, Kirensk, Verkhneudinsk, Nizhneudinsk and Krasnoyarsk as the cities of Eastern Siberia on the basis of the historical experience of the city development. The system of local government was formed in Eastern Siberia in the last quarter of the 18th century. This process coincided with the formation and development of new county centers in Irkutsk Province: Kirensk, Nizhneudinsk and Verkhneudinsk, which became cities in 1783. Municipal self-government was the City Duma in Irkutsk, the city mayor in Krasnoyarsk, the bourgeois chief in Kirensk and Nizhneudinsk, the City Hall and the City Mayor in Verkhneudinsk in the late 18th century. The City Duma was elected in Krasnoyarsk in 1804. The City Hall was opened in Kirensk in 1807. It moved from Ilmsk. Irkutsk became a populous city, Verkhneudinsk became a medium-sized town, Nizhneudinsk and Kirensk became poorly populated cities, and Krasnoyarsk became a provincial center of the new Yenisei Province after the reform of M.M. Speransky. A full provincial city was Irkutsk with all elected positions according to the law. Verkhneudinsk was a full county town. Krasnoyarsk became a county town with a parliamentary government in 1804. There were no elected magistrates in Kirensk and Nizhneudinsk. Irkutsk City Duma took on the responsibility for urban development of other cities of Irkutsk Province, Nizhneudinsk and Balagansk. The Siberian reform of M.M. Speransky legislatively confirmed the already established local government model in the framework of the separation power theory in the Eastern Siberian cities.

REFERENCES

1. Wunder B. *Die Entstehung und Entwicklung der staatlichen Bezirksämter in Baden, 1803 bis 1863*. In: *140 Jahre kommunale Selbstverwaltung im Landkreis Karlsruhe: Entstehung und Entwicklung, Aufgabe und Organe, Wahlen und Abgeordnete*. Bearb. von Bernd Breitkopf. Mit Beitr. von Michael Bock. Ubstadt-Weiher: Verl. Regionalkultur, 2003.
2. Plotnikova M.M. (ed.) *Gorodskoe samoupravlenie v Irkutsk: 220 let* [Municipal government in Irkutsk: 220 years]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2008. 243 p.
3. Pisar'kova L.F. *Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya дума* [Municipal reform in Russia and the Moscow Duma]. Moscow: Novyy khronograf: AIRO-XXI Publ., 2010. 735 p.
4. Gradovskiy A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [Beginnings of Russian state law]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1883. V. 3, pt. 1.
5. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 32.
6. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 95.
7. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 312.
8. Laakmann H. *Das Bürgerbuch von Pernau 1787–1889*. J.G. Kruger, Tartu, 1939.
9. Tuchtenhagen R. *Zwischen Aufklärung und Absolutismus. Staatliche Reformen in den Ostseeprovinzen unter Katharina II*. In: *Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten*. Hrsg. Kronauer, Ulrich: Heidelberg, 2011 (Akademiekonferenzen; 12).
10. Dameshek L.M., Plotnikova M.M. Catherine II and Paul I about management of cities: tandem or different sights. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 2 (82), pp. 207–212. (In Russian).
11. *Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii 21 aprelya 1785 g.* [The Charter on the rights and benefits of cities of the Russian Empire, 21 April 1785]. In: *Istoriya samoupravleniya Irkutsk: ot Ekateriny Velikoy do Medvedeva* [The history of government of Irkutsk, from Catherine the Great to Medvedev]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2008.
12. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 110.
13. Komleva E.V. *Eniseyskoe kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Yenisei merchants (last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Moscow: Academia Publ., 2006. 381 p.

14. Plotnikova M.M. Urban Development of Irkutsk Under the Government of M. M. Speransky. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State University, Series "History"*, 2014, v. 7, pp. 32–43.
15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1845, v. 20. (In Russian).
16. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 54.
17. Shter M.P. *Statisticheskoe izobrazhenie gorodov i posadov Rossiyskoy imperii po 1825 god* [Statistical description of the cities and settlements of the Russian empire in 1825]. St. Petersburg: tip. Ivana Glazunova Publ., 1829.
18. *Uchrezhdenie dlya upravleniya Sibirskikh guberniy* [Establishment for administration of Siberian Province]. In: *Istoriya samoupravleniya Irkutsk: ot Ekateriny Velikoy do Medvedeva* [The history of government of Irkutsk, from Catherine the Great to Medvedev]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2008.
19. Rezun D.Ya., Besedina O.N. *Gorodskie yarmarki Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.: Yarmarki Vostochnoy Sibiri* [Urban fairs of Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries: Fairs of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993. 157 p.
20. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 36. List 1. File 4.
21. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 472. List 1. File 4.
22. Dameshek L.M. (ed.) *Irkutskiy kray. Chetyre veka. Istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) 17th – XXI vv.* [Irkutsk Region. Four centuries. History of Irkutsk Province (Oblast) in the 17th – 21st centuries]. Irkutsk: Vostkniga Publ., 2012. 880 p.
23. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 527.
24. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 1031.
25. Martynov A.E. *Zhivopisnoe puteshestvie ot Moskvy do Kitayskoy granitsy* [The scenic journey from Moscow to the Chinese border]. St. Petersburg: tip. Aleksandra Plyushara Publ., 1819.
26. Tsybiktarov A.D. et al. *Istoriya Ulan-Ude* [The history of Ulan-Ude]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2012. 160 p.
27. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 20. List 1.
28. Berdnikov L.P., Lonina S.L. *Dva veka krasnoyarskogo samoupravleniya. Istoriya i sovremennost' (1822–1917)* [Two centuries of Krasnoyarsk authorities. History and Modernity (1822–1917)]. Krasnoyarsk: Izdatel'skie proekty Publ., 2003. 285 p.
29. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 173. List 1. File 1.

Received: 22 March 2015